

ХРОНИКИ АМБЕРА

КНИГИ КОРВИНА

Девять принцев Амбера
Ружья Авалона
Знак Единорога
Рука Оберона
Двор Хаоса

КНИГИ МЕРЛИНА

Козыри Рока
Кровь Амбера
Знак Хаоса
Рыцарь Теней
Принц Хаоса

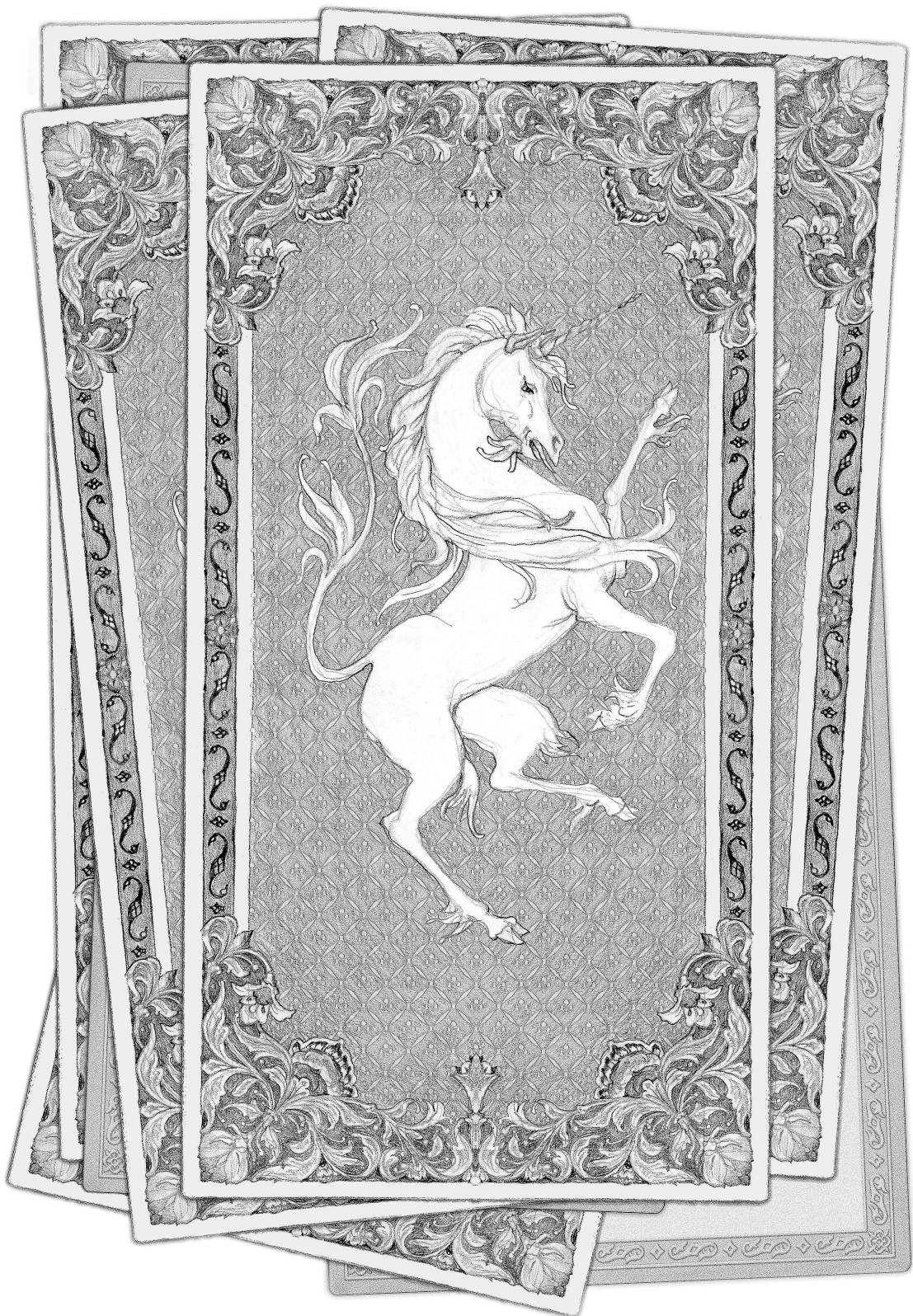

Амбер и амбериты
Рассказы и приложения

Путеводитель по Амбуру

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ХРОНИКИ АМБЕРА

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА
РУЖЬЯ АВАЛОНА

ТОМ I

Иллюстрации Дениса Гордеева

FANZON

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ж52

Roger ZELAZNY
NINE PRINCES IN AMBER
Copyright © 1970 by Roger Zelazny

THE GUNS OF AVALON
Copyright © 1972 by Roger Zelazny

Иллюстрации Дениса Гордеева
Перевод Ирины Тогоевой («Девять принцев Амбера»)
и Юрия Соколова («Ружья Авалона»)
Редактура Кайла Итторфа

Желязны, Роджер.
Ж52 Хроники Амбера. Том 1. Девять принцев Амбера; Ружья Авалона /
Роджер Желязны ; иллюстрации Д. Гордеева ; [перевод с английского
И. Тогоевой, Ю. Соколова]. – Москва : Эксмо, 2025. – 384 с. : ил.

ISBN 978-5-04-187717-0

«Девять принцев Амбера» и «Ружья Авалона» — первые два романа блистательных «Хроник Амбера», самой популярной фэнтезийной саги Роджера Желязны. Придворные интриги, магические мечи, карты Таро, черная магия, путешествия между мирами, любовь и дружба, поэзия, психологизм, мифологические и культурные отсылки, образ вечного города Амбера и харизматичный главный герой — вот за что читатели во всем мире полюбили этот грандиозный цикл. Произведения публикуются в новой специальной редакции и сопровождаются иллюстрациями Дениса Гордеева.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© И. Тогоева, перевод на русский язык,
2025
© Ю. Соколов, перевод на русский язык,
2025
© Д. Гордеев, иллюстрации, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-187717-0

ДЕВЯТЬ
ПРИНЦЕВ
АМБЕРА

НОХОЖЕ, наступал конец тому, что казалось мне вечностью.
Я попробовал пошевелить пальцами ног. Успешно. Я лежал, распластанный, на больничной койке, закованные в гипс ноги — на подвесе, но все еще мои.

Я зажмурился, потом снова открыл глаза. Трижды.

Стены комнаты наконец обрели четкость.

Где я, черт побери?

И туманы медленно таяли, оставляя остатки того, что именовалось моими воспоминаниями. Ночи... сиделки... уколы. Стоило мне чуточку прийти в себя, всякий раз являлся кто-нибудь и всаживал мне дозу. Вот так вот. Да. Но теперь я хотя бы наполовину я. Значит, с этим пора кончать.

Вопрос, согласятся ли они.

Почему-то упорно думалось: вряд ли.

Природное неверие в чистоту любых человеческих побуждений, единожды прия, угнездилось в моей груди. Меня пичкали наркотиками — вдруг понял я. Без особых на то причин, судя по моему самочувствию, и, значит, нет причин менять распорядок, если за него им и платят. «Так что лучше сделай вид, что ты по-прежнему в отрубе», — сказал голос худшей и более мудрой части моей души.

Так я и поступил.

Медсестра заглянула минут через десять, а я, конечно, лежал себе и похрапывал. Она тут же удалилась.

Я к тому моменту кое-что сумел восстановить в памяти.

Смутно припоминалось, что я попал в аварию. Все, что после, — как в тумане; что было до нее — без понятия. Но я помнил, что сначала угодил в больницу, а уже потом сюда. Как так? Неизвестно.

Но мои ноги вроде восстановились. Достаточно, чтобы я смог стоять, хотя я и не помнил, сколько времени прошло после перелома — а вот сломаны они были, это я знал.

Попытался сесть. Оказалось непросто: тело как кисель. В окно из ночной темноты глазели звезды, нагие и яркие. Я подмигнул им и спустил ноги на пол.

Перед глазами все поплыло, однако вскоре в голове прояснилось, я встал, держась за спинку кровати, и сделал первый шаг.

Нормально. Ноги держат.

Так что теоретически я уже в состоянии отсюда выйти.

Я снова опустился на кровать, лег и задумался. Я весь взмок, меня бил озноб¹. И небо в звездах-леденцах² и так далее.

Упадком пахнет в датском королевстве...³

Да, это точно была автокатастрофа. Черт знает что...

Приоткрылась дверь, впустив в палату поток света. Сквозь приспущеные веки я увидел, что это снова сестра со шприцем в руке.

Она приближалась к кровати, крупная такая бабища, темные волосы и мощные руки.

Когда она подошла, я сел.

— Добрый вечер! — сказал я.

— Ох! Добрый вечер, — ответила она.

---

¹ Стандартная симптоматика гипогликемии, а заодно вероятная аллюзия на «Гамлета» В. Шекспира (в переводе М. Лозинского «Он тучен и одышлив», в переводе В. Рапопорта «Он весь в поту и дышит тяжело»). Здесь и далее прим. ред.

² К. К. Мур «Визит св. Николая, или В ночь перед Рождеством».

³ Искаженная цитата из «Гамлета» В. Шекспира.

— Когда меня выписывают? — спросил я.

— Об этом надо узнать у доктора.

— Ну так узнайте.

— Пожалуйста, закатайте рукав.

— Да нет, спасибо.

— Я должна сделать вам укол.

— Нет, не должны. Уколы мне не нужны.

— Боюсь, это доктору решать.

— Вот пусть он придет и сам скажет. А пока я категорически против.

— Но у меня четкие инструкции...

— Вот и Эйхман¹ тоже так говорил, а что вышло? — Я неспешно показал головой.

— Хорошо, — вздохнула медсестра. — Мне придется доложить...

— Пожалуйста, докладывайте, — сказал я. — Заодно сообщите доктору, что я утром намерен выписаться.

— Нет, это невозможно! Вы ведь даже ходить еще не в состоянии!

И у вас серьезные повреждения внутренних органов...

— Ладно, посмотрим, — кивнул я. — Спокойной ночи.

Она вылетела в коридор, ничего не ответив.

А я снова лег и стал думать. Похоже, я в какой-то частной клинике — значит, кто-то оплачивает всю эту музыку. Но кто? Никаких родственников я вспомнить не мог. Друзей тоже. Кто остается? Враги?

Я еще немного подумал.

Ничего не придумывалось.

Ни малейшей идеи насчет предполагаемого благодетеля.

Вдруг я вспомнил: моя машина летит под откос на горной дороге, падает в озеро... Это — все.

¹ Адольф Эйхман (1906–1962) —oberштурмбаннфюрер СС, начальник отдела IV D 4 РСХА, «архитектор Холокоста». После Второй мировой сумел по фальшивым документам уехать в Аргентину, в 1960 г. похищен агентами Моссада и доставлен в Израиль, после открытого судебного процесса приговорен к смертной казни и повешен. Согласно выпущенной в 1963 г. «Банальности зла» Ханны Арендт, построенной на материалах этого процесса, «Эйхман не был ни психопатом, ни чудовищем. Он был ужасно, невероятно нормальным человеком, а его действия, обернувшиеся гибелью миллионов людей, стали следствием желания хорошо сделать свою работу».

Я был...

От напряжения я снова весь покрылся испариной.

Я не знал, кто я.

Чтобы отвлечься, я сел и быстренько снял бинты. Под повязками все было в порядке, значит, правильно я от них избавился. Потом разбил гипс на правой ноге металлическим прутом, вынутым из спинки кровати. Мною овладело странное чувство: казалось, нужно как можно скорее отсюда смыться, нужно успеть сделать нечто важное.

Я проверил правую ногу. Нормально.

Разбил гипс и на левой ноге, встал, подошел к шкафу.

Никакой одежды.

В коридоре послышались шаги. Я снова лег, прикрыв простыней снятые бинты и куски гипса.

Дверь опять приоткрылась.

В палате вспыхнул яркий свет; на пороге высился здоровенный детина в белом халате, рука его касалась выключателя.

— Что вы тут удумали? Сестра на вас жалуется, — сказал он.

Притворяться спящим больше не имело смысла.

— Неужели? — спросил я. — И что же она говорит?

Детина некоторое время, наморщив лоб, обдумывал мой вопрос, потом строго произнес:

— Вам пора делать укол.

— Вы что, доктор?

— Нет, но делать уколы право имею.

— А я отказываюсь, — заявил я, — на что имею полное право. Что вы на это скажете?

— Что укол я вам все равно влеплю, — ответил здоровяк и двинулся к кровати. В руке он держал шприц, которого я раньше не заметил.

Это был исключительно подлый удар, дюйма на четыре ниже пояса.

Детина рухнул на колени.

— ..! — выдавил он некоторое время спустя.

— Подойдешь еще раз, — предупредил я, — увидишь, что будет.

— Ничего, мы с такими пациентами справляться приучены! — выдохнул он.

И я понял, что пришло время действовать.

— Где моя одежда? — спросил я.

— ..! — повторил он.

— Тогда, пожалуй, придется позаимствовать твою. Раздевайся!

После третьего раза мне надоело. Я накинул простыню ему на голову и как следует врезал тем самым железным прутом, которым разбивал гипс.

Пара минут, и я весь одет в цвета Моби Дика¹ и ванильного мороженого². Жуть.

Я запихнул этого типа в стенной шкаф и выглянул в затянутое решеткой окно. Старая Луна с Юной Луной на руках парила над грядою тополей, искрилась серебристая трава, ночь устало торговалась с солнцем. Где я находился — неясно. Вроде бы четвертый этаж, и внизу слева на земле отражался свет из окна где-то со второго этажа: там тоже кто-то не спал.

Так что я вышел в коридор и осмотрелся. Слева коридор упирался в стену с зарешеченным окном. Там были еще двери, по две с каждой стороны коридора — скорее всего, палаты вроде моей. Я дошел до окна и выглянул наружу. Снова трава, деревья и ночь — ничего нового. Я повернулся и зашагал в обратную сторону.

Двери, двери, двери, и ни лучика света изнутри. И тишина, только шарканье моих собственных шагов: позаимствованные ботинки были великоваты.

Часы, тоже позаимствованные у Смеющегося Мальчика³, показывали пять пятьдесят четыре. Железный прут я заткнул за пояс под белым халатом; при ходьбе прут втыкался мне в бедро. На каждые двадцать футов под потолком приходилась одна лампочка ватт на сорок.

Так я добрался до ведущей вниз лестницы в правом крыле, покрытой ковровой дорожкой и безмолвной.

¹ Белый кит, персонаж одноименного романа Г. Мелвилла (1851).

² Отсылка к рассказу Р. Брэдбери «Чудесный костюм цвета мороженого» (1958).

³ На американском сленге 1940-х гг. «смеющийся мальчик» — некий угрюмый и мрачный тип. А еще Смеющимся Мальчиком зовут протагониста одноименного романа О. Ла Фарга (1929), посвященного борьбе индейцев навахо за сохранение своей культуры. И если так, возможно, здесь скрытая отсылка в сторону другого здоровенного индейца из совсем другой клиники — К. Кизи, «Над кукушкиным гнездом» (1962).

Третий этаж выглядел в точности как мой четвертый, так что я пошел дальше вниз.

На втором этаже свернул направо, пытаясь найти дверь, из-под которой пробивался бы свет.

И нашел почти в самом конце коридора. Стучать я не стал.

За огромным полированым столом сидел тип в пестром халате и что-то писал в гроссбухе. Это явно была не больничная палата. Тип так и впился в меня глазами, рот распахнулся, готовый закричать, — но крика не было, видимо, я выглядел достаточно решительно.

Он быстро поднялся из-за стола, а я закрыл дверь, подошел поближе и произнес:

— Доброе утро. У вас неприятности.

Людям всегда хочется узнать, какие же неприятности им грозят. Так что секунды через три я услышал:

— Что вы имеете в виду?

— А то, — пояснил я, — что вам грозит судебный иск. За то, что держите меня здесь без связи с внешним миром, и второй, за злоупотребление служебным положением — меня насиливо пичкали наркотиками. У меня, можно сказать, уже началась ломка, так что я вполне могу сотворить что-нибудь неприятное...

— Убирайтесь, — был ответ.

Я заметил на его столе пачку сигарет, вытянул одну.

— Сядь и заткнись. Нам есть что обсудить.

Он сел, но не заткнулся.

— Вы нарушаете правила...

— Суд определит, кто из нас что нарушает, — ответил я. — Пусть принесут мою одежду и личные вещи. Я выписываюсь.

— Но ваше состояние...

— Не твое дело. Деньги на бочку — или в суд.

Он было потянулся к кнопке на столе, но я отшвырнул его руку.

— Ну нет, — сказал я. — Раньше надо было нажимать, когда я только вошел. Теперь поздно.

— Мистер Кори, вы самый сложный...

Кори?

— В вашу клинику я не ложился, — проговорил я, — но уж точно имею полное право выписаться, когда мне угодно. А угодно мне сейчас. Так что давай.

— Но вы еще явно не в том состоянии, чтобы выписываться, — ответил он. — Я просто не могу вам этого позволить... Я сейчас кого-нибудь позову, вас проводят в палату, уложат в постель...

— И не пытайся, а то узнаешь, в каком я состоянии. Пока у меня пара вопросов. Первый: кто меня сюда поместил и кто оплачивает мое пребывание здесь?

— Ну хорошо, — вздохнул он — тонкие усики песочного цвета огорченно поникли — и сунул руку в ящик стола.

Но я был наготове.

Я выбил пистолет у него прежде, чем он успел спустить предохранитель. Аккуратненький такой «колт» тридцать второго калибра¹. Подхватив оружие, щелкнул предохранителем и навел ствол ему в физиономию.

— Ты ответишь на мои вопросы. Ты явно считаешь меня опасным. Возможно, ты прав.

Он бледно улыбнулся и закурил сам. Ошибка, если он хотел изобразить невозмутимость. Ручки-то дрожали.

— Хорошо, Кори. Если вы так настаиваете... Привезла вас сюда ваша сестра.

Не понял.

— Какая сестра?

— Эвелин.

Ни звоночка.

— Странно. Я несколько лет ее не видел, — сказал я. — Она и не знала, что меня занесло в эти края.

Он пожал плечами:

— И тем не менее...

— Где же она теперь живет? Я хочу связаться с ней, — сказал я.

— У меня нет под рукой ее адреса.

— Так найди.

Он поднялся из-за стола, подошел к секретеру, открыл его, порылся там и достал карточку.

---

¹ Так обычно именовался «карманный бескурковый» M1903 (*Colt Pocket Hammerless*), выпуск этой популярной модели пистолета прекращен в 1945 г., но на руках их немало и сейчас, а тем более во время создания романа.

Я впился в нее глазами. Миссис Эвельин Флаумель... Нью-йоркский адрес тоже был мне незнаком, но в памяти я его зафиксировал. Судя по карточке, меня звали Карл. Отлично. Дополнительная информация.

Я заткнул пистолет за пояс рядом с прутом, не забыв, конечно, поставить его на предохранитель.

— Ну ладно, — сказал я. — Где моя одежда и сколько ты мне заплатишь?

— От вашей одежды после аварии мало что осталось, — ответил врач. — Вынужден вам напомнить, что у вас были сломаны обе ноги, причем левая — в двух местах. Откровенно говоря, я просто не понимаю, как вы стоите. Прошло всего две недели...

— На мне все заживает как на собаке, — успокоил его я. — Так как насчет денег?..

— Каких денег?

— Отступные, чтобы я не подавал в суд на твоё заведение. За всякие злоупотребления и прочее.

— Не валяйте дурака!

— Кто здесь валяет дурака? Согласен на тысячу, но наличными и сразу.

— Даже говорить на эту тему не желаю!

— А ты лучше подумай. Выиграю я суд или проиграю, но какую рекламу получит твоё заведение, если я сумею дать несколько интервью еще до суда, а? Я ведь доберусь и до AMA¹, и до газетчиков...

— Шантаж, — заявил он, — и я тут вообще ни при чем.

— Заплатишь ты сейчас или по приговору суда, — отозвался я, — мне, в общем, без разницы. Но сейчас выйдет дешевле.

Если согласится, значит, я прав и здесь что-то нечисто.

Тип в халате долго буравил меня взглядом.

— У меня нет здесь тысячи, — заявил он наконец.

— Тогда назови сумму сам.

— Это грабеж.

— Нет, Чарли², это самообслуживание. Итак?

¹ AMA — Американская медицинская ассоциация. Самое обширное объединение американских врачей и медработников.

² В американском сленге обезличенно-пренебрежительное обращение, также употребляется в третьем лице.

— В сейфе, наверное, сотен пять найдется.

— Ладно. Доставай.

Покопавшись в небольшом стеклянном сейфе, он заявил, что там четыреста тридцать долларов. Проверять не хотелось: могли остаться отпечатки пальцев. Так что я принял тощую пачку банкнот и сунул в карман.

— Теперь такси. Какая ближайшая компания обслуживает эту территорию?

Он назвал, я проверил телефонный справочник. Похоже, где-то на севере штата Нью-Йорк.

Я велел ему самому вызвать для меня такси, ибо по-прежнему не знал названия этого места и не хотел, чтобы он знал, в каком состоянии у меня память. Один из бинтов-то был у меня на голове...

Он заказал машину, и я услышал, как он назвал свое заведение: частная клиника «Гринвуд».

Я погасил окурок, закурил новую сигарету и с облегчением плюхнулся в мягкое коричневое кресло возле книжного шкафа, освободив свои бедные ноги от двухсот фунтов живого веса.

— Подождем здесь, потом проводишь меня до дверей, — сказал я.

Больше я от него и звука не услышал¹.

¹ Событийно и стилистически вся первая глава романа повторяет эпизод из рассказа Р. Чандлера «Человек, который любил собак» (1936), позднее переписанного в кусок его же романа «Прощай, красотка» (1940).